

Личность, вера и нравственность в современной российской драматургии

Сегодня можно то, что столетиями было нельзя. Опираясь на данный факт, российские драматурги за период с 2001 года до наших дней головокружительно расширили сферу своей творческой свободы, и это особенно заметно в пьесах, раскрывающих проблемы веры, личности, нравственности.

Парадокс, общий для современных российских драм на религиозную тематику, заключается в их дисгармоничности. Казалось бы, именно ощущение гармонии должно рождаться в сознании реципиента после прочтения художественного текста о вере; тем не менее, обратившись к соответствующим произведениям нынешних лет, мы почувствуем духовную расшатанность их авторов, а заодно и собственную. Причина коренится вовсе не в провокационности сегодняшних опусов: давняя «Мать Иисуса» А.Володина отличалась изрядными вольностями по отношению к Евангелию, что не мешало ей быть целостной, позиционно чёткой, концептуально убедительной.

Пьесы на тему веры резко поменяли речевой строй, лад фразировки: прежде интонация в них была преимущественно квестимной, то есть вопрошающей, пытливо-познавательной, теперь же она стала деклатимной — утверждающей, суггестивно-проповеднической. Религиозная драма приобрела черты эстрадного шоу и пользуется тем, что модно, не брезгуя ни хип-хопом, ни клиповым мышлением, ни скабрёзностями. Надежда Птушкина в пьесе «Овечка» предлагает новое прочтение библейского сюжета о любви Иакова и Рахили, — настолько новое, что становится не по себе: история об умении ждать превращается под её игривым пером в энциклопедию эротических кунштюков. Кроткая Рахиль символизирует духовное начало, распущенная Лия — плотское, однако мысль о победе истинной любви над телесными соблазнами тонет в пучине откровений, изложенных с претензией на архаику, но сверхсовременных по коммерческо-эпатажной направленности.

Пальму первенства в деле переноса религиозной проблематики на сцену следует отдать Ивану Вырыпаеву. Иркутский самородок, молниеносно